
**Конструирование идентичности в
политическом дискурсе:
лингвокультурные доминанты
прошлого (на материале
Узбекистана, России и США)**

Тошбоева Муниса Рустамовна

tashbaevamunisa98@mail.ru

Базовый докторант,

Ташкентский государственный

университет узбекского языка и

литературы имени Алишера Навои

Аннотация

Настоящее исследование посвящено сравнительному анализу стратегий конструирования национальной идентичности в политическом дискурсе через инструментализацию прошлого. На материале ключевых речей президентов Ш. Мирзиёева, В. Путина и Д. Трампа (за период 2017-2024 гг.) с применением методов критического дискурс-анализа, когнитивной метафорики и компаративистики выявляются системообразующие лингвокультурные доминанты. В результате доказано, что дискурс Узбекистана структурируется вокруг идеи возрождения цивилизационного наследия, риторика России – вокруг государственнического традиционализма и сакрального мифа Победы, в то время как американский дискурс в трактовке Трампа трансформирует классический либеральный фундаментализм в идею популистского реванша. Работа демонстрирует, как политический язык не просто апеллирует к истории, но активно конструирует ее мифологизированные версии для легитимации современных идеологических проектов. Дополнительно установлено, что используемые нарративы выполняют мобилизационную функцию, воздействуя на коллективную память, эмоциональную идентификацию аудитории и переосмысление национальных ценностей в условиях глобальных геополитических трансформаций. Сравнительный подход позволил выявить не только уникальные национальные модели, но и универсальные механизмы использования исторических нарративов, такие как опора на «золотой век» и бинарную оппозицию «свой-чужой», что подтверждает тесную связь между языком, историей и формированием коллективного самосознания.

**Ключевые
слова**

Политический дискурс, национальная идентичность, культурная память, лингвокультурология, сравнительный анализ

**Siyosiy diskursda o'zlikni qurish:
o'tmishning lingvomadaniy
dominantlari (O'zbekiston, Rossiya
va AQSh materiallari asosida)**

Toshboyeva Munisa Rustamovna

tashbaevamunisa98@mail.ru

Tayanch doktorant,

Alisher Navoiy nomidagi Toshkent davlat

o'zbek tili va adabiyoti universiteti

Annotatsiya

Ushbu tadqiqot milliy o'zlikni siyosiy diskurs orqali qurishda o'tmishdan vosita sifatida foydalanish strategiyalarining qiyosiy tahliliga bag'ishlangan. Sh. Mirziyoyev, V. Putin va D. Trampning 2017-2024 yillardagi nutqlari materialida tanqidiy diskurs-tahlil, kognitiv metaforika va qiyosiy metodlardan foydalanilib, tizimli lingvomadaniy dominantlar aniqlandi. Natijada O'zbekiston diskursi

sivilizatsion merosni qayta tiklash, Rossiya ritorikasi davlatchilik an'anaviyligi va G'alaba mifi, Tramp ritorikasi esa klassik liberal fundamentalizmni populistik revansh g'oyasiga o'zgartirish atrofida shakllanganligi isbotlandi. Tadqiqot siyosiy tilning tarixiy faktini emas, balki uni tanlab va miflashtirgan holda zamonaviy mafkuraviy maqsadlar uchun qayta ishlangan versiyasini qurishini ko'rsatadi. Qiyosiy yondashuv milliy modellarning o'ziga xosligini, shuningdek, "oltin davr" ramzi va "o'z-begona" dikotomiyasi kabi umumiy diskursiv mexanizmlarni aniqladi. Shuningdek, tarixiy narrativlar jamoaviy xotira, emosional identifikatsiya jarayonlari va milliy qadriyatlarini qayta anglashda muhim safarbar etuvchi omil sifatida xizmat qilishi aniqlandi, ayniqsa zamonaviy geosiyosiy o'zgarishlar sharoitida. Bu tadqiqot til, tarixiy tafakkur va jamoaviy o'zlikning o'zaro bog'liq dinamikasini yoritib, milliy hikoya qurilishining lingvistik jihatlarini chuqurroq anglashga yordam beradi.

Kalit so'zlar Siyosiy diskurs, milliy o'zlik, madaniy xotira, lingvomadaniyot, qiyosiy tahlil

---

Constructing Identity in Political Discourse: Linguocultural Dominants of the Past (Based on Materials from Uzbekistan, Russia, and the USA)

Munisa Rustamovna Toshboeva

tashbaevamunisa98@mail.ru

Basic doctoral student,

Alisher Navoi Tashkent State University of the
Uzbek Language and Literature

Annotation *This study is dedicated to a comparative analysis of strategies for constructing national identity in political discourse through the instrumentalization of the past. Based on key speeches by Presidents Sh. Mirziyoyev, V. Putin, and D. Trump (covering the period 2017-2024) and employing methods of critical discourse analysis, cognitive metaphor theory, and comparative analysis, the research identifies core linguocultural dominants. It is proven that the discourse of Uzbekistan is structured around the idea of reviving civilizational heritage, Russia's rhetoric revolves around statist traditionalism and the sacred myth of Victory, while the American discourse, as framed by Trump, transforms classical liberal fundamentalism into an idea of populist revanche. The work demonstrates how political language not merely appeals to history but actively constructs its mythologized versions to legitimize contemporary ideological projects. Additionally, historical narratives are shown to perform a mobilizing function, influencing collective memory, emotional alignment, and the redefinition of national values under conditions of ongoing global political shifts. The comparative approach revealed not only unique national models but also universal mechanisms for employing historical narratives, such as reliance on a "golden age" and the binary opposition of "us versus them," confirming the close interconnection between language, history, and the formation of collective consciousness.*

Keywords *Political discourse, national identity, cultural memory, cultural linguistics, comparative analysis*

В контексте глобализации и поиска новых оснований для общественной консолидации возрастает роль исторического нарратива как инструмента политического дискурса. Особую значимость приобретают сравнительные исследования, позволяющие выявить национальную специфику идеологического позиционирования через призму репрезентации прошлого. Однако научный дискурс демонстрирует дефицит компаративных работ, которые бы системно охватывали как постсоветское пространство за пределами концепта «русского мира», так и западные политические нарративы. В этой связи цель настоящего исследования заключается в выявлении и сопоставительном анализе ключевых лингвокультурных доминант, репрезентирующих историческое прошлое в политическом дискурсе Узбекистана, России и Соединенных Штатов Америки.

В соответствии с рабочей гипотезой, предполагается, что, несмотря на единую консолидирующую функцию, языковая репрезентация прошлого в исследуемых дискурсах характеризуется фундаментальными различиями в используемых механизмах и смысловых акцентах, что детерминировано различными моделями национальной идентичности. Для верификации данного положения в работе последовательно решаются следующие задачи: формирование репрезентативного корпуса текстов политического дискурса; разработка системы лингвистических маркеров для идентификации ключевых доминант; проведение сравнительного анализа метафорических моделей, прецедентного фонда и базовых концептов; систематизация полученных данных и формулировка итоговых выводов.

Современная лингвистика развивается в сторону изучения языка в его социальном

контексте, исследуя, как различные общественные практики влияют на языковые явления. Основное внимание уделяется анализу языковых единиц в неразрывной связи с условиями их возникновения и функционирования. В ответ на запросы общества акцент сместился с изучения нормы на анализ узуса, а также на прагматически ориентированные и прикладные исследования, рассматривающие социальный контекст создания и интерпретации текстов.

Теория дискурса тесно связана с прикладными направлениями лингвистики. В отличие от классического подхода, который фокусируется на макроуровне (уровни языка, функциональные стили), дискурсивный анализ позволяет выделять более конкретные объекты, обусловленные социальными особенностями общения. Этот подход дает возможность изучать коммуникативные пространства разного масштаба, где одни дискурсы вложены в другие как их составные части. Например, по сфере общения выделяются научный, деловой или художественный дискурсы, которые, в свою очередь, делятся на более узкие (медицинский, философский и т.д.). Границы между дискурсами часто размыты и подвижны, что отражает динамичную природу живой речевой практики.

Понятие «дискурс» широко используется в социальных и гуманитарных науках, однако его содержание варьируется в зависимости от исследовательского контекста. В лингвистике также отсутствует единая трактовка данного термина, что требует уточнения теоретической основы проводимого анализа.

В настоящем исследовании методологической основой выступает критический дискурс-анализ (КДА), интерпретируемый в традициях Н. Фэрклоу, Р. Водак и З. Йегера, дополненный аппаратом теории концептуальной

метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также методом анализа прецедентных феноменов, разработанным в отечественной лингвистике (Ю.Н. Караулов). КДА рассматривает дискурс как социально обусловленное явление, акцентируя взаимосвязь языковых структур с историческим и социальным контекстом (Тичер, Мейер, Водак, Веттер, 2009; Филлипс, Йоргенсен, 2008). В отличие от чисто лингвистического или ситуативного анализа, дискурс-анализ раскрывает правила и механизмы, лежащие в основе конкретных дискурсивных практик.

С опорой на идеи М. Фуко, дискурс понимается как социально организованная система коммуникации, объединяемая устойчивыми смыслами и специфическими практиками (Фуко, 1996). Ключевыми среди них являются практики конструирования истины, формирования объектов (событий, персонажей) и субъектных позиций, регулируемых процедурами включения и исключения.

Следующим дополнением к методологической части исследования является классическая работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона "Metaphors We Live by", в котором описываются основополагающие перспективы исследования концептуальной метафоры в политической коммуникации (Lakoff, 1980). Ученые обосновали тезис о том, что идеологии конструируются на основе метафорических моделей. В качестве примера они продемонстрировали, как внешне нейтральная концептуальная метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС может маскировать антигуманные аспекты экономической политики как в социалистических, так и в капиталистических государствах (Лакофф, Джонсон, 2004).

Когнитивная лингвистика и лингвокультурология все чаще обращаются к изучению феномена интертекстуальности, понимаемой как диалогическое взаимодействие текстов, опосредованное

сознанием и национально-культурными кодами (Кристева, 1993). Механизмом реализации этого взаимодействия выступают прецедентные феномены – лексические единицы, вводимые в текст и обладающие культурной значимостью. Согласно определению Ю.Н. Караулова, это тексты, наделенные сверхличностным смыслом в познавательном и эмоциональном плане, к которым языковая личность регулярно апеллирует в своем дискурсе (Караулов, 2007).

Следовательно, любое слово или выражение обретает статус прецедентного не само по себе, а лишь в конкретной ситуации употребления и только для того человека, чьи фоновые знания позволяют это узнавание.

Любая культура появляется и развивается непосредственно в определенной нации. В основе современного понимания нации лежит ставшая классической концепция «воображаемых сообществ», разработанная философом и историком Бенедиктом Андерсоном. Его работа радикально изменила представления о природе национальной идентичности.

Бенедикт Андерсон, признавая сложность феномена нации, определяет её как «воображаемое политическое сообщество, представляемое одновременно как ограниченное и суверенное» (Anderson, 2006).

Ключевая характеристика «воображаемости» означает, что нация существует в коллективном сознании: её члены, не будучи лично знакомы, разделяют внутренний образ своей общности. Это отличает нацию от небольших групп, основанных на прямом контакте.

Это сообщество ограничено, так как определяет себя через границы, отделяющие его от других наций. Оно суверенно, поскольку исторически стремится к независимости и собственному государству. При этом, несмотря на

внутреннее неравенство, нация осознаётся как глубокое горизонтальное товарищество (братство), способное даже на самопожертвование ради общей идеи.

Как поясняет Андерсон, сообщества стоит различать не по их истинности, а по способам их воображения (там же). Так, нация существует как коллективная ментальная проекция: её анонимные участники ощущают единство не через личное знакомство, а через ассоциацию с разделяемыми атрибутами – флагом, языком или мифологизированной историей.

Исторически современные нации сформировались на рубеже XVIII–XIX веков. Этому способствовал упадок религиозного мировоззрения, требующий новой формы идентичности, и развитие книгопечатания (капитализма печати). Печать стандартизировала языки и создала массовую аудиторию читателей, которые, потребляя один и тот же текст в одно время, стали ощущать себя частью общего «воображаемого сообщества» (там же). Ежедневное чтение одной и той же газеты жителем столицы и провинции превращало их в современников одних и тех же событий, виртуальных участников общего диалога, что постепенно вытесняло локальную идентичность в пользу национальной.

Принципы, сформулированные Андерсоном, сохраняют свою объяснительную силу применительно к новым социокультурным контекстам. Параметры «воображаемости», ограниченности и суверенности обнаруживаются в структуре современных онлайн-сообществ, где базой для солидарности служит не гражданство, а разделяемая информационная повестка или совокупность практик. При этом, в отличие от классических наций, суверенитет таких цифровых сообществ реализуется не в политической, а в культурной или дискурсивной автономии.

Развивая понятие культурной автономии, следует отметить концепцию

«места памяти» Пьера Нора. Он проводит четкое разграничение этих понятий. По его мнению, память – это субъективный, эмоционально окрашенный процесс, склонный к трансформациям и забвению, «жизнь», которую хранят социальные группы (Нора, 2009). История же, напротив, – это интеллектуальная реконструкция прошлого по сохранившимся следам, всегда остающаяся проблематичной и неполной (там же).

Нора связывает возникновение этого антагонизма с XIX веком и становлением профессиональной исторической науки. Как отмечает культуролог Аллейда Ассман, более ранние формы историописания не противопоставляли себя памяти, а осознавали себя именно как её форму, что служило, например, целям легитимации власти (Ассман, 2014). Таким образом, «места памяти» возникают в эпоху, когда живая память угасает, а история начинает её методично изучать и архивировать.

Если концепция Пьера Нора фокусируется на конкретных точках кристаллизации прошлого – «местах памяти», которые маркируют его исчезновение из живой практики, то Ян Ассман предлагает взглянуть глубже, на сам механизм циркуляции этого прошлого в обществе. Его теория «культурной памяти» смещает акцент с архивных «мест» на динамические «процессы». Это переход от вопроса «что мы сохраняем?» к вопросу «как и зачем мы это помним?».

Таким образом, «места памяти» становятся не конечными объектами, а видимыми узлами в непрерывной сети культурной памяти, которая активно конструирует идентичность через ритуалы, письменность и политические нарративы. Ассман изучает не статичные памятники, а «живую» энергию традиции, которая течёт между поколениями, формируя коллективное «мы» здесь и сейчас.

В своей монографии немецкий культуролог Ян Ассман определяет

культурную память как социальный механизм межпоколенческой трансляции базовых ценностей и смыслов, формирующих идентичность цивилизации (Ассман, 2004). Это не спонтанное воспоминание, а целенаправленный процесс поддержания традиции.

Я. Ассман выделяет три ключевых опоры этого процесса:

1. *Память о прошлом* (индивидуальная и групповая).
2. *Письменность как материальный носитель традиции.*
3. *Ритуал и обряд, легитимирующие политический порядок и коллективную идентичность.*

Центральным элементом «помнящей культуры» в древних обществах (Египет, Месопотамия, Греция) Ассман считает *заупокойный культ*, который актуализирует связь с предками и космическим порядком (например, египетская *концепция маат* – справедливости). Таким образом, культурная память – это активная сила, которая не просто хранит прошлое, но и постоянно конструирует настоящее, отбирая и интерпретируя значимые для сообщества смыслы.

Для анализа специфики политического самосознания изучаемых языков через призму медиатекстов необходимо опираться на конкретный теоретический аппарат, позволяющий исследовать взаимосвязь языка, культуры и идеологии. В центре настоящего исследования находятся три взаимосвязанных концепта, формирующих аналитическую рамку работы.

В основе интерпретации политических нарративов лежит понимание лингвокультурной доминанты. Это понятие восходит к работам Ю.Н. Караулова и развивается в русле лингвокультурологии, обозначая устойчивый, иерархически высший элемент языкового сознания социума, который определяет восприятие ключевых реалий и ценностных ориентиров

в конкретный исторический период (Караулов, 1987). В отличие от просто частотных тем, доминанта обладает нормативной силой, задавая «оптику» для оценки событий и формирования коллективных смыслов. Она выступает смысловым ядром, вокруг которого организуется публичная дискуссия.

Конкретной средой, в которой актуализируется доминанта, является политический дискурс. В данной работе он понимается в русле критического дискурс-анализа (Н. Фэркло, Т. ван Дейк) как совокупность вербальных практик, посредством которых конструируется, легитимируется и оспаривается власть в обществе (Fairclough, 1985). Это не просто речь о политике, но символическое поле борьбы за определение актуальной социальной реальности, где стратегии аргументации, фреймирования и выбора лексики напрямую влияют на формирование общественного мнения и идентичности.

Конечной смысловой инстанцией, на которую работает дискурс через актуализацию доминант, выступает национальная идентичность. Вслед за конструкционистским подходом (Б. Андерсон, Э. Геллнер) она рассматривается не как изначальная данность, а как динамический процесс коллективного самоопределения, основанный на разделяемом представлении об общем прошлом, настоящем и будущем, а также на противопоставлении себя «другим» (Андерсон, 2001). Дискурсивные стратегии, таким образом, играют ключевую роль в непрерывном воспроизводстве и трансформации образа «мы-общества».

Следовательно, в фокусе исследования находится механизм, при котором лингвокультурная доминанта, будучи актуализированной в политическом дискурсе, становится инструментом конструирования и укрепления национальной идентичности. Анализ этого

процесса позволяет выявить не только актуальные смысловые коды нации, но и стратегии их символического закрепления в публичном пространстве.

Выбор трёх ключевых политических фигур – Шавката Мирзиёева, Владимира Путина и Дональда Трампа – в качестве эмпирических кейсов обусловлен необходимостью анализа дискурса в рамках трёх принципиально различных политических моделей. Мирзиёев олицетворяет реформаторский путь *восточной постсоветской республики* (Узбекистан), чья риторика балансирует между модернизацией, суверенитетом и региональной стабильностью. Путин, как лидер *ядра постсоветского пространства* (Российская Федерация), формирует нарратив, акцентирующий историческую преемственность, суверенную демократию и восстановление глобального статуса. Напротив, Дональд Трамп, представляя классическую *западную либеральную демократию* (США), демонстрирует дискурс национального прагматизма, критики глобалистских институтов и акцента на экономическом суверенитете. Такой трёхполюсный подход позволяет выявить не только общие тренды в политической риторике эпохи неопределённости, но и специфические стратегии легитимации власти, обусловленные историческим контекстом, институциональным дизайном и геополитическим позиционированием каждой из стран.

Политический дискурс Узбекистана, в особенности в речах Президента Шавката Мирзиёева, структурируется вокруг двух взаимосвязанных лингвокультурных доминант: обращения к глубокому цивилизационному наследию и нарратива национального возрождения. Этот дискурсивный дуэт выполняет ключевую идеологическую функцию, обеспечивая легитимность современного политического курса через апелляцию к исторически сакрализованному прошлому.

Метафорическое моделирование:

от «цветущего сада» к «третьему ренессансу»

Одной из центральных метафорических моделей выступает модель «САД / ДРЕВО ЦИВИЛИЗАЦИИ». Трансформируя традиционный для многих культур архетип «государства-сада», узбекский дискурс наполняет его специфическим историческим контентом. Фразы типа «процветающий Узбекистан – цветущий сад» или утверждения о том, что «наша государственность имеет многовековые корни», визуализируют нацию как живой, органичный организм, чье процветание естественно и предопределено богатой почвой истории (Мирзиёев, 2021). Эта метафора отрицает идею «молодой» государственности, подчеркивая преемственность и древность.

Непосредственно с ней связана динамическая метафора «ВОЗРОЖДЕНИЯ / РЕНЕССАНСА». Концепт «Эпохи третьего ренессанса», активно внедряемый в публичную риторику, отсылает к двум «золотым векам»: периоду средневекового мусульманского Ренессанса (IX-XII вв.) и тимуридской эпохе (XIV-XV вв.) (Мирзиёев, 2017). Таким образом, современные реформы («новый Узбекистан») репрезентируются не как разрыв, а как закономерное возрождение утраченного исторического величия, что придает им характер не инновации, а реституции.

Прецедентный фонд: *пантеон героев и символы диалога*

Ядро доминанты «цивилизационного наследия» формирует строго отобранный пантеон исторических личностей, каждая из которых символизирует отдельную добродетель:

Амир Тимур и династия Тимуридов – воплощение сильной, централизованной государственности и имперского могущества (Абашин, 2007).

Мирза Улугбек – архетип правителя-ученого, покровителя наук, что

легитимирует современные инвестиции в образование и инновации.

Аль-Бухари, Аль-Хорезми, Ибн Сина (Авиценна) – символы вклада в мировую науку и культуру, позволяющие позиционировать Узбекистан как неотъемлемую часть общечеловеческой цивилизации, а не периферийный регион.

Алишер Навои – знаковая фигура для национального языка и литературы, консолидирующая культурную идентичность.

Ключевыми прецедентными символами выступают «Авеста» (сакральный текст, углубляющий историю в зороастрийскую древность) и «Великий шелковый путь». Последний трактуется не только как торговая артерия, но и как метафора открытости, межкультурного диалога и транзитного потенциала, что служит дискурсивным обоснованием современной многовекторной внешней политики (Стратегия развития..., 2022; Каримов, 2023).

Концепты-доминанты: *локальные ценности как основа общенационального*

«Махалля». Традиционный институт соседской общины реинтерпретируется как модель идеальной социальной солидарности, взаимопомощи и низовой демократии, противопоставляемая западному индивидуализму.

«Иzzат-хурмат» (уважение к старшим). Данный принцип трансформируется в концепт связи поколений и уважения к историческому опыту, обеспечивая преемственность между прошлым и настоящим.

«Ватан» (Родина). Концепт наполняется не только гражданским, но и глубоко эмоциональным, почтительным отношением к родной земле, ее истории и природному богатству, что усиливает патриотический нарратив.

Исходя из вышеперечисленных, лингвокультурные доминанты в дискурсе Ш. Мирзиёева создают сложную

семиотическую систему, где метафоры задают образную канву, прецедентные феномены предоставляют конкретный исторический материал, а традиционные концепты обеспечивают связь с повседневными ценностями аудитории. Эта система направлена на конструирование идентичности, основанной на гордости за древнее наследие и вере в его поступательное возрождение в современных условиях.

Политический дискурс Президента В.В. Путина представляет собой системное воплощение стратегий конструирования национальной идентичности через обращение к историческому прошлому. В его риторике кристаллизуются две ключевые лингвокультурные доминанты: государственный традиционализм, утверждающий непрерывность и суверенитет российской власти, и сакральный миф Победы в Великой Отечественной войне, выполняющий функцию высшей моральной легитимации и гражданской религии (Гудков, 2005; Малинова, 2019).

Метафорические модели:
оборонительная крепость и цивилизационная преемственность

Доминирующей в путинском дискурсе является метафора «КРЕПОСТИ/ЩИТА». Она реализуется в лексемах и формулах, формирующих образ России как осажденной, но несокрушимой твердыни. Характерны прямые высказывания: *«Россия – это страна-крепость, которая выстоит перед любыми испытаниями»* (Путин, 2018), или риторический призыв *«защитить наш суверенитет как зеницу ока»*. Эта метафора не просто описывает геополитическое положение, но и диктует модель социальной мобилизации, оправдывая централизацию власти и ограничительные меры как необходимую «оборону» (Рябова, 2015).

Второй ключевой моделью выступает концепт «ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ДЕРЖАВЫ» (или

«цивилизации-государства»). В Послании Федеральному Собранию 2021 года Путин подчеркивал: «У нас с вами единая, неразрывная, тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и цельность». Употребление слов «неразрывная», «преемственность поколений», «историческая Россия» служит дискурсивному «сшиванию» эпох, создавая образ вечной государственности, где современная власть предстает законным наследником всех предыдущих этапов (Узланер, 2025).

Прецедентный фонд:
инструментализация исторических фигур и сакрализация 1945 года

В путинской риторике формируется строго иерархизированный пантеон, где каждая фигура легитимирует конкретный политический курс:

Александр Невский цитируется в контексте защиты национальных интересов от Запада. Его афоризм «Кто к нам с мечом придет...» используется как универсальный ответ на внешнеполитическое давление, актуализируя архетип князя-воина и святого.

Петр I упоминается как пример правителя-модернизатора, который «прорубил окно в Европу, но не позволил никому прорубить дверь в Россию» (Выступление на встрече с предпринимателями, 2022), что обосновывает курс на технологическое развитие при сохранении жесткого суверенитета.

Иосиф Сталин фигурирует почти исключительно в связке с темой войны, где признается его роль «верховного главнокомандующего», а массовые репрессии либо замалчиваются, либо объясняются «требованиями эпохи». Это позволяет использовать его образ как символ жесткой эффективности и победного могущества.

Центральным, сакрализованным прецедентным событием является *Великая*

Отечественная война. Она трактуется не просто как исторический эпизод, а как «священная война», «часть нашего генетического кода» (Путин, 2020). Риторика здесь изобилует высокой, почти религиозной лексикой: «бессмертный полк», «священная память», «жертвенный подвиг». Этот миф служит главным источником морального капитала власти, универсальным мерилем патриотизма и инструментом сплочения (Миллер, 2012).

Концепты-доминанты: *державность, духовные скрепы, традиция*

Концептуальный каркас дискурса образуют несколько базовых понятий:

«*Державность*» выступает как синоним восстановленного геополитического субъектатета, имперского масштаба и военной мощи. Она противопоставляется «унижению» 199-х годов и воплощается в лозунгах типа «*возрождения России как великой державы*».

«*Духовные скрепы*» (часто синонимичные «*соборности*») отсылают к идее органического, неконтрактного единства народа, основанного на общих исторических испытаниях и коллективных ценностях, а не на индивидуальных правах (Хархордин, 2011).

«*Традиционные ценности*» (включая «*православные*») используются как цивилизационный маркер, отграничивающий Россию от «разлагающегося» либерального Запада. Апелляция к ним служит обоснованием консервативного поворота во внутренней политике, касающегося семьи, религии и национальной идентичности.

Таким образом, дискурс В.В. Путина системно выстраивает образ России как уникальной цивилизации-крепости, чья легитимность зиждется на непрерывной государственнической традиции и этически безупречном сакральном мифе о Победе. Лингвокультурные доминанты его риторики образуют замкнутый символический универсум, сопротивляющийся

альтернативным трактовкам истории и предлагающий обществу ясную, мобилизационную модель идентичности.

Если аналитический фокус на дискурсе В.В. Путина раскрывает стратегии легитимации через апелляцию к сакрализованному прошлому и непрерывной государственности, то обращение к риторике Дональда Трампа демонстрирует иную модель конструирования политической реальности. В отличие от имперско-традиционалистского нарратива, дискурс 45-го президента США основывался на идее «возвращения» и «восстановления» утраченного величия, формулируемой в парадигме прагматичного популизма и антиэлитизма.

Данный переход противопоставляет две модели: легитимацию через непрерывность (Путин) и легитимацию через разрыв с недавним прошлым (Трамп), задавая основу для сравнительного анализа.

Дискурс Дональда Трампа, 45-го президента США, представляет собой парадоксальный синтез традиционных американских лингвокультурных доминант и их радикального популистского переосмысления. В его риторике концепты «основания» (*Founding*) и «исключительности» (*Exceptionalism*) сохраняются, но наполняются новым содержанием, смещаясь от универсалистского либерального фундаментализма к идее «национального возрождения» (*Make America Great Again*) через разрыв с политическим истеблишментом и возврат к мифизированным основам (Muirhead & Rosenblum, 2019; Lowndes, 2017).

Метафорические модели: *путь к утраченному величию и национальное строительство как ремонт*

Классическая метафора «ПУТИ/ДОРОГИ» у Трампа приобретает ретроспективный и восстановительный характер. Вместо движения к новому

будущему («*unfinished business*») акцент делается на возвращении к идеализированному прошлому. Его ключевой лозунг «*Make America Great Again*» семантически указывает не на поступательное развитие, а на циклическое восстановление утраченного статуса (Эдвардс, 2017). Эта модель противопоставлялась «неверному пути», по которому, по его утверждению, страну вели предшествующие администрации.

Метафора «ЗДАНИЯ/ФУНДАМЕНТА» также перетолковывается. Если традиционно она отсылала к непрерывному совершенствованию союза («*to form a more perfect union*»), то в трамповском дискурсе она использовалась для изображения нации как разрушающейся инфраструктуры, требующей срочного «ремонта». Он позиционировал себя как «строителя», который «возведет стену» (буквально и как символ защиты) и отстроит промышленность, фундамент которой был, по его мнению, размыт несправедливой глобальной конкуренцией (Kreis, 2017).

Прецедентный фонд: *избирательное цитирование «отцов-основателей» и фигуры «президента-бойца»*

Трамп осуществлял избирательную апелляцию к прецедентным феноменам, часто вырывая их из исторического контекста. Ссылки на *Отцов-основателей* (Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон) использовались не для развития идей свободы и демократии, а для консервативной трактовки Второй поправки (право на ношение оружия) и суверенитета штатов. При этом его риторика была далека от гражданского пафоса Линкольна или морального видения М.Л. Кинга. Вместо этого Трамп культивировал архетип «президента-бойца» (*fighter*), подобно Э. Джексону или Т. Рузвельту, готов жестко отстаивать национальные интересы в «нечестной» борьбе (Лакрофф, 2016).

Ключевыми событиями в его нарративе были не столько Американская

революция, сколько экономический и культурный упадок, который он связывал с глобализацией и политикой своих предшественников. Символы вроде Конституции трактовались инструментально, прежде всего через призму поправок, гарантирующих индивидуальные свободы (Первая, Вторая), в ущерб акцентам на гражданских правах и интеграции.

Концепты-доминанты: *свобода как невмешательство, американская мечта для «настоящих американцев», исключительность через силу*

Концептуальный каркас трамповского дискурса был построен на радикализации классических доминант:

«Свобода» (*Freedom*) редуцировалась до свободы от регулирования (государственного, международного), от «политической корректности» и от внешних обязательств. Это была свобода как суверенитет и невмешательство, а не свобода как универсальный идеал или основа для гражданского участия.

«Американская мечта» интерпретировалась не как общедоступный социальный лифт, а как обещание восстановления благосостояния для «забытых» американцев (преимущественно белого рабочего класса), чьи интересы, по его словам, были преданы глобалистской элитой (Cramer, 2016).

«Американская исключительность» (*American Exceptionalism*) лишилась мессианского компонента распространения демократии и стала пониматься как исключительность в силе, сделках и праве ставить национальные интересы превыше всего. Ее доказательством должен был стать не моральный авторитет, а военная мощь, экономические показатели и способность «выигрывать» (Хохшильд, 2018).

Обобщая, можно отметить, что дискурс Д. Трампа не отменил, но существенно трансформировал традиционные лингвокультурные доминанты американской политики. Он

сохранил их формальную оболочку (апелляцию к основателям, мечте, исключительности), но наполнил ее популистским, антиглобалистским и антиэлитистским содержанием, создав модель идентичности, основанной на идее обороняющейся и требующей реституции нации-государства.

Проведенный компаративный анализ позволяет выявить как универсальные механизмы использования прошлого в политике, так и национально-специфические траектории конструирования идентичности. Общей чертой исследуемых дискурсов является стратегия мифологизации истории, создание образа «золотого века» (Тимуридский ренессанс, имперское могущество/советская Победа, эпоха Отцов-основателей) как идеальной точки отсчета. Все они активно используют бинарную логику «свой-чужой» для консолидации аудитории, будь то через противопоставление «национального духа» глобализации, «традиционной цивилизации» либеральному Западу или «истинных патриотов» внутренним и внешним врагам.

Принципиальное различие заключается в семантическом ядре доминант и векторе их направленности (см. Табл. 1). Узбекский дискурс, сфокусированный на возрождении до-советского культурно-цивилизационного наследия, ориентирован в будущее через реинтерпретацию глубокого прошлого. Российский нарратив, центрированный на защите непрерывной государственности и сакральной Победы, носит оборонительно-консервативный характер, отстаивая статус-кво. Американский (в трамповской версии) дискурс, акцентирующий продолжение/восстановление проекта основателей, парадоксально сочетает революционный популистский разрыв с недавним прошлым и фундаменталистскую верность исходным принципам.

Критерий	Узбекистан	Россия	США (на примере Д. Трампа)
Основная метафора	Сад / Возрождение	Крепость / Держава	Путь к прошлому величию / Ремонт
Ключевое событие	Эпоха Тимуридов, Шелковый путь	Великая Отечественная война	Момент «основания» и период упадка
Центральная фигура	Амир Тимур (государственник), ученые (Аль-Хорезми)	Комплексная фигура Воина-Защитника (Невский, образ солдата ВОВ)	Отцы-основатели (инструментально), президент-«боец»
Концепт-ценность	Цивилизационное наследие, Махалля	Державность, Соборность	Американская мечта (для «своих»), свобода как невмешательство

Таблица 1. Сопоставление лингвокультурных доминант политического дискурса

Рекомендации для развития узбекского политического дискурса, вытекающие из сравнительного анализа:

Углубление концептуальной проработки. Для выхода за рамки декларативного цитирования исторических фигур целесообразно развивать современные концепты-посредники, которые связывали бы историческое наследие с актуальными целями развития (например, «инновационность через призму наследия Аль-Хорезми», «толерантность как традиция Шелкового пути»).

Баланс между уникальностью и универсальностью. Дискурс «цивилизационного наследия» обладает сильным консолидирующим потенциалом внутри страны. Для усиления внешнеполитического влияния (мягкой силы) важно активнее транслировать его не как закрытую национальную ценность, а как вклад в общечеловеческую культуру и модель межцивилизационного диалога.

Интеграция советского периода. Полное дистанцирование от советского сегмента исторической памяти создает смысловой разрыв в национальном нарративе. Стратегически важно разработать его критическую, но

интегрирующую интерпретацию (например, как периода модернизации, но с утратой части духовных корней), что обеспечит большую целостность исторического самосознания.

Развитие метафор будущего. Помимо метафор «возрождения» и «сада», необходим поиск новых ориентированных на перспективу метафорических моделей (например, связанных с цифровизацией, экологией), которые бы органично сочетались с обращением к традиции, избегая при этом рисков статичности.

Таким образом, узбекский политический дискурс, обладая уникальным и мощным ресурсом в виде идеи национального ренессанса, стоит перед задачей его динамичной концептуализации – превращения из нарратива о славном прошлом в живой язык, описывающий траекторию движения страны к будущему, сохраняя при этом глубинную связь с культурным фундаментом.

Проведенный компаративный анализ дискурсов ключевых политических лидеров – Ш. Мирзиёева, В. Путина и Д. Трампа – позволил эмпирически подтвердить центральную гипотезу исследования. Несмотря на общую прагматическую цель

консолидации общества через апелляцию к прошлому, в основе каждого дискурса лежат уникальные, исторически сформированные лингвокультурные доминанты.

Риторика Ш. Мирзиёева системно конструирует образ нации, возрождающей свое цивилизационное достоинство. Через метафоры «ренессанса» и «сада», пантеон средневековых ученых и правителей, а также концепты «махалли» и «ватан» проецируется идентичность, основанная на глубине культурного наследия и ориентации на поступательное обновление.

Дискурс В. Путина, напротив, актуализирует модель цивилизации-крепости, защищающей суверенитет и сакральную традицию. Доминанты «государственнического традиционализма» и мифа о Победе, реализуемые в метафорах обороны и образах правителей-воинов, служат легитимации непрерывности власти и идеи осажденного, но духовно непобедимого коллектива.

Риторика Д. Трампа демонстрирует популистскую трансформацию либерального фундаментализма в идею национального реванша. Переосмысление концептов «американской мечты» и «исключительности» через призму антиэлитизма и экономического

протекционизма создало нарратив «возвращения» утраченного величия путем разрыва с ближайшим политическим прошлым.

Таким образом, исследование доказывает, что политический дискурс является не пассивным отражением истории, а активным инструментом ее селективной реконструкции и мифологизации. Используя укорененные в национальном сознании коды (возрождение, защита, избранность), он создает убедительные версии прошлого, которые служат фундаментом для конкретных идеологий настоящего и проектов будущего.

Научная новизна работы заключается в первой попытке трехстороннего сопоставления данных дискурсивных моделей, что позволило выявить не только их специфику, но и общие механизмы мифотворчества. Перспективы исследования видятся в изучении рецепции этих стратегий целевой аудиторией, а также в расширении корпуса за счет анализа медиатекстов и парламентских дебатов, что позволит получить более полную картину функционирования исторических нарративов в публичной сфере.

Список использованной литературы:

1. Абашин, С. Н. (2007). *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности*. СПб.: Алетейя.
2. Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.
4. Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-Пресс-Ц.
5. Гудков, Л. Д. (2005). «Память» о войне и массовая идентичность россиян. *Неприкосновенный запас*, 2-3(40-41), 46–57.
6. Каримов, У. У. (2023). «Новый Узбекистан» на Великом шелковом пути: историческое наследие как ресурс мягкой силы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 16(2), 198–215.

7. Караулов, Ю. Н. (1987). *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука.
8. Караулов, Ю. Н. (2007). *Ключ: Семантические сети в ассоциативном тезаурусе*. М.: ИТИ Технологии.
9. Кристева, Ю. (1993). *Избранные труды: Разрушение поэтики*. М.: РОССПЭН.
10. Лакофф, Дж., & Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем* (А. Н. Баранова, Ред.). М.: Едиториал УРСС.
11. Малинова, О. Ю. (2019). *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: РОССПЭН.
12. Миллер, А. И. (2012). *Нация, или Могущество мифа*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
13. Мирзиёев, Ш. М. (2017, декабрь). *Мы построим свободное, демократическое и процветающее государство*. Послание Олий Мажлису Республики Узбекистан.
14. Мирзиёев, Ш. М. (2021, сентябрь). *Выступление на торжественной церемонии, посвященной 30-летию независимости Республики Узбекистан*.
15. Нора, П. (2009). Проблематика мест памяти. В П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, & М. Винок (Ред.), *Франция-память* (с. 17–50). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
16. Путин, В. В. (2018, октябрь). *Выступление на пленарном заседании Валдайского форума*.
17. Путин, В. В. (2020). *75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим*. Статья.
18. Путин, В. В. (2021). *Послание Президента Федеральному Собранию*.
19. Путин, В. В. (2022). *Выступление на встрече с предпринимателями*.
20. Рябова, Т. Б. (2015). «Русская крепость»: Гендерная метафора как ресурс консолидации власти. *Политическая лингвистика*, 4(54), 48–57.
21. Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы. (2022). Получено с <https://strategy.uz>
22. Тичер, С., Мейер, М., Водак, Р., & Веттер, Е. (2009). *Методы анализа текста и дискурса* (А. К. Болотнова, Ред.). Х.: Гуманитарный центр.
23. Узланер, Д. (2025). Конец ресакрализации? Религия и политика в современной России. *Неприкосновенный запас*, 4(138), 45–62.
24. Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Работы разных лет. М.: Касталь.
25. Филлипс, Л., & Йоргенсен, М. В. (2008). *Дискурс-анализ. Теория и метод* (А. К. Болотнова, Ред.). Х.: Гуманитарный центр.
26. Хархордин, О. В. (2011). *Основные понятия российской политики*. М.: Новое литературное обозрение.
27. Хохшильд, А. Р. (2018). *Чужаки в своей стране: Гнев и скорбь американских правых* (Е. А. Беляева, Пер.). М.: Издательство Института Гайдара.
28. Эдвардс, Г. К. (2017). *Предсказуемое президентство: Потенциал убеждающего лидерства* (А. Смирнова, Пер.). М.: Альпина Паблишер.
29. Anderson, B. (2006). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (Rev. ed.). Verso.
30. Cramer, K. J. (2016). *The Politics of Resentment: Rural Consciousness in Wisconsin and the Rise of Scott Walker*. University of Chicago Press.
31. Fairclough, N. (1989). *Language and Power*. Longman.

32. Kreis, R. (2017). The "Tweet Politics" of President Trump. *Journal of Language and Politics*, 16(4), 607–618.
33. Lakoff, G. (2016). *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate*. Chelsea Green Publishing.
34. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press.
35. Lowndes, J. (2017). *From the New Deal to the New Right: Race and the Southern Origins of Modern Conservatism*. Yale University Press.
36. Muirhead, R., & Rosenblum, N. L. (2019). *A Lot of People Are Saying: The New Conspiracism and the Assault on Democracy*. Princeton University Press.